

АНДРЕЙ АХМЕТОВИЧ ЗАЙНУЛЬДИНОВ, ДОРОТА Т. ШМИДТ
Barcelona, Hiszpania

Русская и польская эмоционально-оценочная фразеология (опыт прагмалингвистического исследования)

Настоящая статья посвящена исследованию прагматического аспекта семантики языковых единиц на материале русской и польской фразеологии, выражающей положительную и отрицательную эмоциональную оценочность. Авторы исходят из предположения, что эмоциональная оценочность может быть определена и описана на основе объективных лингвистических маркеров, через ее компоненты, доступные объективному анализу и компьютерной обработке данных¹; другими словами, можно объективировать языковую интуицию исследователя, используя лингвистические критерии и лексикографическое описание. Критерием возникновения эмоциональной оценки на фразеологическом уровне для авторов является значимость внутренней формы компонентов фразеологических единиц (семантическая мотивированность).

Сущность семантической мотивированности заключается в уподоблении двух предметов по общему для них признаку, при этом признак называется опосредованно, через образ-символ, существующий в языковом сознании носителей данного языка как воплощение этого признака: метафорический перенос, ассоциативные характеристики.

А. Вежбицкая утверждает, что при выделении семантических примитивов (элементарных, неразложимых единиц естественного языка, с помощью которых могут быть истолкованы значения более крупных в семантическом отношении слов, выражений) на лексическом уровне могут быть определены дополнительные значения прототипического сценария: «*мерзавец* — 'я не

¹ А.А. Зайнулдинов, *Эмоциональная оценочность русской лексики и фразеологии (опыт прагмалингвистического словаря)*, «Russian Language Journal», т. 57, Washington, с. 30.

хочу быть рядом с этим человеком»; подлец — ‘Х не такой, как другие люди, Х может делать плохие вещи, которые другие люди делать не могут’; негодяй — нельзя думать, что Х будет делать хорошие вещи; можно думать, Х будет делать плохие вещи», которые не мотивированы этимологически². Действительно, значения сценариев не мотивированы этимологически, но этимология (внутренняя форма), по нашему мнению, определяет оценочный характер лексической или фразеологической единицы.

Среди видов положительной эмоциональной оценочности на фразеологическом уровне выделяются:

— дружелюбное отношение (*zwrot przyjacielski*): *закадычный друг* (*przyjaciel od serca* «сердечный друг») — ‘друж. Близкий, задушевный друг, приятель’, *тёртый калач* (в польском *brat lata* «брат-заплата») — ‘друж. Старый, закадычный друг (русская часть корпуса цитируется по *Словарю эмоционально-оценочной русской лексики и фразеологии* (Зайнульдинов 2005–2010), польский корпус цитируется по *Wielki słownik frazeologiczny PWN*, 2010, *Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego* (P. Müldner-Nieckowski, 2004), *Uniwersalny Słownik Języka Polskiego PWN* (2008);

— ласковое отношение (*zwrot pieścizotliwy*); разница по сравнению с дружелюбным отношением в характере эмоционального отношения и интенсивности: *ангел души моей* (*mój aniele* «ангел мой») — ‘ласк. В обращении: милый (-ая); ласковое обращение к кому-либо, в польском языке только к любимой женщине’, *жизнь моя* (*skarbie* «сокровище», *kotku* «котёнок») — ‘ласк. В речевом этикете: формула ласкового, фамильярного обращения (обычно к любимой женщине)’;

— одобрение (*wyraz aprobaty*): *душа в душу* — ‘одобр. Очень дружно, в полном согласии (жить)’, *человек железного здоровья* (*człowiek o żelaznym zdrowiu*) — ‘одобр. О человеке с хорошим здоровьем’, *как воды напился* (*jakby kamień spadł z serca* «как будто камень упал с сердца») — ‘одобр. О чувстве облегчения, удовольствия, блаженства’, *в ажуре* — ‘одобр. Как следует, хорошо, благополучно’; в польском языке *słodki* «сладкий» — ‘Ласковый, приветливый, любезный, приятный, сладостный’;

— восхищение (*wyraz zachwytu*); разница по сравнению с одобрением в высокой степени интенсивности: *дороже золота* (*na wagę złota* «на вес золота») — ‘восх. О том, что чрезвычайно ценно, важно’, *не жизнь, а масленица* (*jedwabne życie* «шёлковая жизнь») — ‘восх. О хорошей, привольной жизни; см. также в польском языке *na sto dwa* «на сто два» — ‘Чудесно, замечательно, бесподобно, превосходно’, *spadł z nieba* «с неба упал» — ‘в нужный момент пригодился’.

Среди видов отрицательной эмоциональной оценочности на фразеологическом уровне выделяются:

² А. Вежбицкая, *Русский язык*, [в:] *Язык. Культура. Познание*, Москва 1996, с. 83.

— выражение неодобрения (*wyraz dezaprobaty*): *dowodzić (dowести) do absurda (doprowadzić do absurdu)* — ‘неодобр. Делая что-л. неправильно, последовательно приходиться к явной нелепости’, *noż w stynę (nóż w plecę)* — ‘неодобр. Коварное предательство, предательский поступок по отношению к кому-либо’;

— выражение крайнего неодобрения (*wyraz skrajnej dezaprobaty*); отличается от неодобрения более высокой степенью интенсивности воздействия: *nieсти/понести ахиною (pleść bzdury* «пдести дурь») — ‘Говорить сущий вздор, болтать полную бессмыслицу, писать глупости, что-либо несуразное’; *ad kromesinny na душе* — ‘Крайнее неодобр. Мучительно тяжело кому-либо’; в польском языке также *piekło na ziemi* «ад на земле», *wilk w owczej skórze* «волк в овечьей шкуре»’;

— выражение пренебрежения (*wyraz lekceważenia*); возникает, когда во время акта оценивания субъект оценивания (адресант) считает себя выше в нравственном отношении по сравнению с объектом эмоционального оценивания (адресатом); позиция сверху вниз: *кисейная барышня (paniczny «барчук»)* — ‘пренебр. Изнеженный, не приспособленный к жизни человек’ *реветь/зареветь белугой* — ‘пренебр. Громко, безудержно и долго плакать; рыдать’; в польском языке также *tępa głowa* «твёрдая голова» — ‘твердолобый; тупой, неспособный, дубовая башка’, *malowana lala* «размалёванная кукла» — ‘Красивая, но глупая и вялая девушка’;

— выражение презрения (*wyraz pogardy*) (отличается от пренебрежения более высокой степенью интенсивности воздействия при наличии позиции оценивания сверху вниз): *Алёха сельский (wiejski głupek «сельский дурак»)* — ‘презр. Безнадёжный дурак, глупый, невежественный человек’, *глуп как баран (głupi jak baran)* — ‘презр. Очень глупый’, *вяленая вобла* — ‘презр. Об апатичном, бездеятельном (особенно на общественном поприще), не имеющем собственного мнения и твёрдых убеждений человеке’; в польском языке также *wutokły śledź* «вымочённая селёдка» — ‘Мужчина бледный, внешне непривлекательный’.

Предлагаемые обозначения видов эмоциональной оценочности основываются на русской лексикографической традиции, в польской лексикографии существуют многочисленные экспрессивные пометы, они используются во фразеологических словарях (*Wielki słownik frazeologiczny języka polskiego* Müldner-Nieckowski P. — их 33³, *Uniwersalny Słownik Języka polskiego PWN* — 9). Важно уточнить, что данные обозначения в значительной степени условны, при этом при реализации экспрессивной функции языка далеко не все лексические и фразеологические единицы маркируются на основании четких научных критериев, поэтому наш материал позволяет выделить только предложенные 8 типов эмоциональной оценочности при наличии

³ Некоторые из них очень близки по значению, например «niegrzeczny» и «wulgarny», «wyzwisko» и «obelżywy», «obcesowy» и «brutalny», но это является объектом другого исследования.

их внутренней дифференциации. Термин «крайнее неодобрение» не имеет лексикографической традиции, но кажется более уместным по сравнению с другими используемыми лексикографическими пометами подобного рода («порицательное», «укоризненное», «предосудительное», «грубое», «бранное» в польском языке «pouczający», «użalający się», «naganny», «obelżywy» «wulgarny», «przekleństwo», «obcesowy», «brutalny»), термин «дружелюбное» «życzliwy» впервые в системном виде применяется в работе Зайнудинова⁴.

Что касается лексикографической пометы «ироничное» («ironiczny»), авторы согласны с В.Н. Телией, которая считает, что данная помета наряду с пометой «шутливое» («żartobliwy») эмоционально характеризует скорее речевые поступки, чем чувства-отношения. Подобным образом «высокое» («podniosły»), «торжественное» («uroczysty») характеризует отношение к типу общения, а не к обозначаемому высказыванию (аналогично тому, как «грубо-просторечное» («obelżywy-wulgarny») и «фамильярное» («poufaly») относятся к типу общения, характеризуя участников речевого акта, а не то, что в нем обозначено)⁵. В соответствии с этим помета «ироничное» («ironiczny») не может быть отнесена к собственно эмоционально-оценочным и способна сочетаться с эмоционально-оценочными пометами: *ni bę ni mę (ni kukareku) (ni be ni te ni kukuryku)* — ‘презр. ирон. О безграмотном человеке’, *gigant myśli* — ‘(разг.) неодобр. ирон. О (псевдо)незаурядном человеке, (псевдо)мыслителе’ в польском языке *bawić się w profesora* «играть в профессора» — ‘ирон. О человеке, который ведёт себя как профессор’, *a to ci bohater!* «смотри какой герой!» — ‘ирон. О трусливом человеке’.

Следует отметить сложность лексикографической эмоционально-оценочной маркировки фразеологических единиц в связи с синкретичным характером их семантики; в положительном регистре в таких случаях автором используются смешанные пометы типа *одобр./восх.*, в отрицательном — типа *пренебр./презр.*

Образность представляет собой семантический компонент, отражающий ассоциации (представления), связанные с определенным словом, а через него и с конкретным признаком, явлением, называемым данным словом. Необходимо уточнить, что свойства, закрепленные за образным значением слова, могут быть предполагаемыми или переосмысленными. Специфика образности как средства создания экспрессивности обуславливает наличие коннотативных сем (в том числе эмоциональной оценочности), наслаивающихся на денотативное значение и разграничение функций предикации, а также идентификации, в связи с чем эмоционально-оценочная образность, определяющая предикацию, обладает повышенной силой воздействия.

⁴ А.А. Зайнудинов, *Лексика с положительной эмоциональной оценкой в современном русском языке*, Ленинград 1987.

⁵ В.Н. Телия, *Коннотативный аспект семантики номинативных единиц*, Москва 1986.

Является существенным замечание о том, что корни языковой образности лежат не в семантике, а в тезаурусе, в системе значений⁶. Возможность одновременного восприятия старого и нового понятия на основе закона ассоциации определяет смысловую дуплановость языковых единиц, в то же время чувственная наглядность признака обуславливает возникновение эмоциональной оценочности как частной разновидности экспрессивности: «образ будит эмоциональное переживание»⁷.

Следовательно, возможно утверждать, что образность является субкомпонентом категории эмоциональная оценочность в схеме: экспрессивность > эмоциональность > эмоциональная оценочность⁸.

Маркерами, определяющими эмоциональную оценочность фразеологических единиц признаются:

1) наличие образности метафорического характера: *пальчики облизешь (palce lizać), пень трухлявый, в самом соку*; в польском языке также *sam miód* «сам мёд».

2) наличие неясной семантической мотивированности, обусловленной экзотической звуковой формой компонентов фразеологической единицы: *нести ахинею, балбешка стоеросовая*; в польском языке *figle-migle* «фигли-мигли» — «Глупые игры или шутки, *mieć fisia* «иметь ‘фися’» — «Быть сумасшедшим». В качестве исходного может быть принято утверждение А.Н. Афанасьева, согласно которому «слова, означающие свет, блеск и тепло, вместе с тем послужили для выражения понятий блага, счастья, красоты и здоровья, богатства и плодородия»⁹. Так, противопоставление «низ–верх», соотнесенное с противопоставлением «земного–небесного», обусловило положительную эмотивную оценочность лексических и фразеологических единиц, связанных со сферой небесного: *восходящая звезда (wschodząca gwiazda), звезда первой величины, звёздный час, путеводная звезда, хватать звёзды с неба, манна небесная, небесная благодать, на седьмом небе (w siódmym niebie)* в польском языке также *dać gwiazdkę z nieba* «дать звёзду с неба», *niebiańsko piękny* «небесно прекрасный». Безусловно, истоки подобного восприятия находятся в мифологических представлениях, в том числе поклонении древних славян «стихийным божествам, явлениям природы: светилам небесным, огню и воде»¹⁰.

Существует значительное число собственно лингвистических наблюдений, указывающих косвенно на оценочное значение компонентов фразеологических единиц (работы В.М. Мокиенко, А.М. Мелерович, В.Ф. Фелици-

⁶ M. Black, *Models and Metaphors*, [в:] *Studies in Language and Philosophy*, New York 1962, с. 25–47.

⁷ В.Н. Телия, указ. раб., с. 14.

⁸ А.А. Зайнулдинов, *К вопросу о соотношении семантических категорий: экспрессивность, эмоциональность, оценочность*, «Мир русского слова» 2009, № 2, с. 30.

⁹ А.Н. Афанасьев, *Поэтические воззрения славян на природу*, Москва 1994, с. 94.

¹⁰ А.С. Фаминцев, *Божества древних славян*, Санкт-Петербург 1995, с. 34.

ной, фразеологические словари): «кровь с молоком — Белое лицо и румянец — красота, свидетельство хорошего здоровья, отсюда — положительная тональность выражения»¹¹; «*видеть (все) в розовом* (радужном) свете — Розовый цвет ассоциировался с добрым здоровьем и благополучием, с благодушием и совершенством»¹².

Авторы предлагают новый тип классификации лексических единиц, основанный на отнесённости к лексико-тематическим группам (ЛТГ), при этом выявлено, что принадлежность первичных номинативных значений лексических единиц к определённой ЛТГ обуславливает возникновение вторичной эмоционально-оценочной семантики фразеологических единиц (положительного или отрицательного плана). Предлагаемые анализу языковые единицы относятся к фразеологическим, тем не менее представляется нецелесообразным использовать термин фразео-тематические группы, так как они принципиально не отличаются от лексико-тематических.

Положительный спектр:

ЛТГ божественного, небесного: *не житьё — просто рай* (*nie życie, a raj*), *рай земной* (*raj na ziemi*), *быть на седьмом небе* (*być w siódmym niebie*) *ангел во плоти*, в польском языке также *anioł, a nie kobieta* «не женщина а ангел».

ЛТГ драгоценного: *моё сокровище* (*mój skarbie*), *на вес золота* (*na wagę złota*), *золотая голова*, *золотые руки* (*złote ręce*).

ЛТГ блеска, света: *с блеском, во всём блеске, звезда первой величины*, в польском языке *piękna jak jutrzienka* «прекрасна как рассвет», *światłana wizja przyszłości* «светлое видение будущего», *błyszcząć w towarzystwie* «блистать в кругу друзей», *być w blasku sławy* «быть в блеске славы».

ЛТГ сладости: *не жизнь, а малина; сделать конфетку, медовый месяц, все в шоколаде*, в польском языке *słodkie słówka* «сладкие слова», *robić słodkie oczy* «делать сладкие глаза», *sama słodycz* «сама сладость».

ЛТГ волшебного: *как по мановению волшебного жезла, маг и волшебник, чудо из чудес, восьмое чудо света; волшебные слова* (*magiczne słowa*), *mieć w sobie czar* «очаровывать», *ósmu cud świata* «восьмое чудо света».

ЛТГ знатного: *кум королю, с царём в голове, князь князем*, в польском языке *po królewsku* «по-королевски», *bawić się jak król* «развлекаться как король», *królować w towarzystwie* «быть королём в кругу друзей».

Определены сквозные семы «волшебного», «небесного», «блестящего», «сказочного», «сладкого» положительного спектра, обуславливающие возникновение оценочных квазистереотипов: *ангел/anioł, чудо/cud, волшебный/magiczny, золото/złoto, солнце/słońce, звезда/gwiazda, рай/raj* и других.

¹¹ В.П. Фелицина, В.М. Мокиенко, *Русские фразеологизмы*, Москва 1990, с. 77.

¹² А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова, *Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник*, Санкт-Петербург 2001, с. 519.

Отрицательный спектр:

ЛТГ чёрного, темного: *чёрная душа, чёрными красками, чёрное дело, чёрный день, тёмное дело*; — в польском языке *czarny charakter* «чёрный характер», *ciemny typ* «тёмный тип», *spod ciemnej gwiazdy* «под влиянием тёмной звезды», *widzieć w czarnych kolorach* «видеть в чёрных цветах».

ЛТГ дьявольского: *ад кромешный* (в данном фразеологизме также наличествует сема чёрного, тёмного за счет компонента *кромешный*), *Баба-Яга (Baba-Jaga), исчадие ада (czarci potiot), ад в душе*, а в польском языке *unikąć jak diabła* «избегать как дьявола», *diabli nadali* «дьявол принёс».

ЛТГ деревянного: *бревно неотёсанное, голова еловая, бесструнная балалайка, дубина безголовая (стоеросовая, еловая), дубовая голова (башка), пень березовый (стоеросовый), чурка с глазами, деревянное ботало, глуп как пень*; в польском языке *głupi jak polano* «глупый как полено», *głuchy jak pień* «глухой как пень», *siedzieć kółkiem* «сидеть как кол».

ЛТГ соломенного: *соломенная душа, мякинное брюхо, голова мякиной набита, толоконный лоб, толоконное брюхо, сено-солома*; в польском языке *słomiany zapal* «соломенный запал», *słoma wylazi z butów* «солома вылезает из сапог», *mlócić słomę* «трепать солому».

ЛТГ пустоты: *пустая башка (голова) (pusta głowa), голова дырявая, пустые звуки, пыльным мешком ударенный, пустое место, пустой карман, пустые слова (puste słowa)*; в польском языке также *dziurawe ręce* «дырявые руки», — ‘О человеке бездумно тратящем деньги’.

ЛТГ грязи: *из грязи да в князи, зарастать грязью, марать бумагу, грязной (поганой) метлой, марать мундир, марать руки, марать рыло*; в польском языке *zarastać brudem* «зарастать грязью», *brud na rękach* «грязь на руках», *prać brudy w domu* «стирать грязные вещи дома» — ‘Не выносить грязь из дома’, *wywlekać brudy* «вытаскивать грязь наружу».

Выявлена зависимость переосмысления первичной семантики на основе схемы: первичная номинативная семантика — переосмысленный признак — вторичное оценочное значение: *железный* — крепость — *железный характер*; в польском языке *żelazne zdrowie* «железное здоровье», *nerwy ze stali* «стальные нервы».

Типичной особенностью использования эмотивно-оценочных единиц (на фразеологическом уровне, в рамках контекста высказывания) является синсибилизация: усиление эмоционального воздействия¹³. Так как фразеологические единицы представляют собой мини-высказывание (по крайней мере этимологически), следует отметить случаи усиления оценочности компонента ФЕ, при этом определения опорных компонентов, чья лексическая семантика уже обладает определённой эмотивной оценочностью, естественным образом усиливают иллюкутивный эффект воздействия: *отставной козы барабанищик*

¹³ Л.А. Киселёва, *Вопросы теории речевого воздействия*, Ленинград 1978, с. 113.

— ‘(разг.) пренебр. шутил. или ирон. О малозначительном, занимающем низкое положение в обществе человеке, претендующем на общественное признание’, *гнус паршивый* — ‘(прост. бран.) крайнее неодобр. Надоедливый, противный человек; обычно употребляется как ругательство’, *бред сивой кобылы в мутную ночь, мило-дорого, масленица масляная*. В польском языке *masło maślane* «масло масляное», *pijana owieczka we mgle* «пьяная овечка в тумане». Для фразеологизмов русского языка типична сенсбилизация за счет использования форм творительного падежа: *князь князем, дубина дубиной, чурбан чурбаном, пень пнём*. Данные примеры отражают принцип избыточности, свойственный использованию фразеологии¹⁴, в польском языке этот феномен в оценочной лексике не наблюдается. Фразеологизмы могут создаваться на основе интенсификации признака (своего рода гиперболизация): *комар носа не подточит* — ‘(разг.) одобр./восх. и шутил. Сделано очень хорошо, так, что не к чему придраться’, *семи пядей во лбу* — ‘(разг.) восх. О человеке, выдающемся среди других умом, мудростью и сообразительностью’, *без сучка без задоринки* — ‘(разг.) одобр./восх. Без каких-либо помех, без затруднений (идти, действовать и т.п.). Говорится о беспрепятственном осуществлении каких-л. дел, о безукоризненном поведении человека, о ком- или чём-л. совершенно безупречном’; в польском языке *bez tadu, bez skladu* «без ладу, без складу» — ‘Беспорядочно, без толку’, *na łeb, na szyję* «на лоб, на шею» — ‘Бросаться вперед или делать что-либо, не продумав’.

Присутствие оценочной семы в первичном значении в совокупности с расширением круга предметов (лиц), которые могут быть эмотивно оценены, формируют путь преобразования номинативно-оценочной семантики в обще-оценочную: *слюнки текут (ślinka cieknie)* — ‘1. (разг.) одобр./восх. Кто-либо испытывает сильное желание съесть, попробовать или выпить что-либо вкусное’. ‘2. (разг.) одобр./восх. перен. У кого-либо возникло острое желание приобрести что-либо заманчивое, нужное’, *пальчики оближешь (palce lizać)* — ‘1. (разг.) восх. перен. О чём-л. очень вкусном’. ‘2. (разг.) одобр./восх. перен. О ком-чем-л. замечательном’; *хуже горькой редьки* — ‘(разг.) презр. Что-либо или кто-либо невыносимы, нетерпимы’; *Какая гадость! (co za świństwo!* «что за свинство») — ‘(разг.) презр./крайнее неодобр. Выражение крайнего неодобрения’.

К подобным ФЕ, стремящимся стать междометными, используемыми на основе закона языковой экономии для характеристики адресата, объекта, признака, ситуации в целом, можно отнести: *в ажуре, без ума, на ять, на диво, разюли-малина*, в польском языке: *na sto dwa* «на сто два», *tucha nie siada* «муха не сядет» в определённой степени (по крайней мере в части расширения оценочных признаков), *рай земной (raj na ziemi)*, *на вес золота (na wagę złota)*; *земля обетованная* — ‘Замечательно’ положительного спектра; образная лексика *кошмар (koszmar)*, *бред (urojenia)*, *лажа*.

¹⁴ В.М. Мокиенко, *Славянская фразеология*, Москва 1989, с. 131.

Ирония представляет собой системную оценочную транспозицию, при этом происходит переосмысление первичной мелиоративной семантики: *Хорошенькое (хорошее) дело!*, в польском языке *ładne rzeczy* «красивые вещи»! — '(разг.) неодобр. ирон. Не одобряю то, что произошло, случилось'; *Геркл сушеный* — '(жарг.) пренебр. Ироническое обращение к человеку, который необоснованно считает себя физически сильным'; в польском языке *niezły z niego artysta* «смотри, какой артист» — '(разг.) ирон. хитрый человек, странного поведения *artysta dla ubogich* «артист для бедных» — '(разг.) ирон. плохой артист'.

Среди выводов следует отметить общность закономерностей формирования положительной и отрицательной оценочности, которая подтверждает существование оценочной семантики как единой системы, а также отсутствие принципиальной разницы в образной структуре и способах формирования оценочной номинации в русском и польском языках, определяемое едиными рамками христианской культуры и цивилизации и общностью происхождения языков. И в том, и в другом языках отрицательная оценка превалирует над положительной; возможно, эмоционально больше акцентируется отклонение от нормы, воспринимаемой положительно; на уровне существительных отрицательно оцениваются более конкретные качества, положительно оцениваются — более общие.

В настоящее время авторами статьи создается *Русско-польский словарь эмоционально-оценочной лексики*, основанный на критериях, изложенных в настоящей статье, предложенной типологии экспрессивных лексикографических помет. Созданная база EMOS-RUS Зайнульдинов 2005–2010 используется для создания русской, польской, испанской и каталонской версий SentiWordNet в рамках проекта «TEXT-KNOWLEDGE 2.0» Министерства образования и науки Испании.

Безусловно, детальный анализ объекта исследования выходит за рамки настоящей статьи, тем не менее изложенное здесь позволяет определить некоторые семантические закономерности формирования и использования фразеологических единиц в аспекте прагмалингвистики, что может быть использовано в практике фразеографического описания (создания одноязычных и двуязычных словарей), а также при преподавании русской и испанской фразеологии и практической стилистики на продвинутых этапах обучения.

Russian and Polish emotional evaluative phraseology (attempt at pragmalinguistic investigation)

Summary

The present work investigates the pragmatic aspect of meaning based on Russian and Polish phraseology with positive and negative emotional evaluation. Such kind of investigation helps

to resolve various problems with lexicographical marks and create a new improved system of expressive marks. The authors think that the emotional evaluation can be defined with quite objective characteristics. The new type of classification is offered based on GLT (lexical-thematic groups).

Keywords: semantics, pragmatics, emotional evaluation, Russian and Polish phraseology.